

— Чэньюй.

Убедившись, что Гу Чэньюй крепко уснул, Фу Сыюань ещё немного подождал. Лишь когда дыхание юноши стало ровным и глубоким, он бесшумно поднялся и подошёл к окну.

В ночи быстро промелькнул ворон с абсолютно чёрным оперением и алыми зрачками. Он уверенно сел Фу Сыюаню на плечо и, приблизившись к его уху, поправил хвостовые перья.

— Действовать по плану.

Голос мужчины был ледяным. В глазах сквозили презрение и мрачная холодность, а выражение лица совершенно не соответствовало ещё юной внешности. От мягкости, которую он показывал Гу Чэньюю, не осталось и следа.

Закончив, Фу Сыюань медленно вернулся на кровать. Уловив запах лекарственных трав, исходивший от юноши, он потемнел взглядом и невольно наклонился, легко коснувшись его губ. Затем ласково провёл ладонью по мягкой щеке и тихо произнёс, вкладывая в голос всю нежность:

— Добрых снов, Цинцин.

Он лёг на бок и, не моргая, смотрел на спящего, осторожно коснувшись пальцами его губ.

— Почему же ты тайком меня поцеловал?

Уголки губ Фу Сыюаня приподнялись. Неизвестно, о чём он думал, но в конце концов он не удержался и слегка прикусил мочку уха Гу Чэньюя.

— Плохой ребёнок.

Линлинци, который не спал, сидел в полной тишине со своим мысленным диджейским пультом и видел всё происходящее:

— ...

Небесное Дао, твой сын любит мужчин.

Небесное Дао, твой сын — гомосексуал.

Небесное Дао, оба твоих сына любят мужчин.

Ночь прошла спокойно.

Куры во дворе начинали кукарекать уже в час Мао. Гу Чэньюй сонно открыл глаза и посмотрел через окно на солнце. Сейчас было примерно время Чэнь. Сегодня куриные крики его даже не разбудили — настолько крепко он спал.

Он потёр глаза, всё тело ещё было расслабленным со сна. Фу Сыюань, судя по всему, тоже не проснулся.

Гу Чэньюй уже собрался сладко потянуться, но внезапно осознал, насколько тесно они прижались друг к другу во сне, и мгновенно застыл.

Вот сейчас он куда охотнее обнаружил бы у спины острый нож, чем оказался бы в такой неловкой близости с собственным братом.

Это нормально.

Совершенно нормально.

Они с Фу Сыюанем в прошлой жизни не раз выручали друг друга в самых неловких обстоятельствах.

Всё абсолютно нормально. Да.

Гу Чэньюй был стопроцентным натуралом. Фу Сыюань — тоже, без всяких сомнений. Почему оба до сих пор были одиноки, он понятия не имел.

Да, тайком целовать спящего брата было нехорошо. Но ведь для Гу Чэньюя это был первый поцелуй, и для Фу Сыюаня — тоже. Значит, всё взаимно и счёт обнулился.

К тому же я красивее него.

Так что Фу Сыюань явно остался в выигрыше.

После такой мысли Гу Чэньюй сразу полегчало. Остатки вины моментально испарились.

Фу Сыюань, будто не заметив ничего странного, уткнулся лицом ему в шею, и тёплое дыхание коснулось кожи.

— Чэньюй, не поспишь ещё немного? Рано ведь.

— Нет-нет, хватит.

Гу Чэньюй убрал его руку, одним движением выбрался из постели, подобрал в углу несколько поленьев, подошёл к очагу и ловко разжёг огонь. Поставил рисовую кашу, а пока она варилась, вынес лекарственные травы сушиться, покормил кур и заодно стащил из гнезда два яйца.

Всё это время юноша что-то бормотал себе под нос:

— Ха-ха, какая сегодня хорошая погода. Солнце такое солнечное, прямо очень солнечное, ха-ха-ха.

Он как раз наклонился, когда знакомый голос выдернул его из мыслей.

— Эргоу! Братик Эргоу!

Гу Чэньюй поднял голову. К нему вприпрыжку бежала девочка лет семи-восьми. Две косички прыгали в такт шагам. Подбежав к бамбуковой ограде, она радостно замахала рукой.

— А, Сяохуа. Что такое? Братика искала?

Глаза Чэн Сяохуа сияли, на румянном лице расплылась улыбка. Через забор она протянула юноше маленький свёрток.

— Мамка велела вкусенького тебе принести! Только из печки, ещё горячее!

Гу Чэньюй поспешно принял свёрток, почувствовал тепло в ладонях и улыбнулся.

— Тогда поблагодари за меня тётушку Чжан.

— Не-е! Мамка сказала, это тебе спасибо надо сказать. После тех лекарств, что братик Эргоу дал в прошлый раз, ей намного легче стало, и грудь больше не болит.

Девчушка замотала головой, будто барабанчик-трещотка, затем немного смущённо потрогала косичку.

— Братик Эргоу, а где ты этому научился? Такой умный! Я тоже хочу. Научусь — потом научу Теданя, Гогая и остальных.

Гу Чэньюй ткнул её пальцем в нос и поддразнил:

— Ах ты маленькая хитрюга. Ты ещё читать не умеешь, а уже лекарства изучать собралась?

Чэн Сяохуа надула щёки.

— А чего это! Братик Эргоу сам читать не умеет! Ты даже «чай» и «сорняк» путаешь, а я различаю!

— Ладно-ладно. Ты у нас самая умная, умнее всех.

Не сумев переспорить Гу Чэньюя, Чэн Сяохуа рассердилась и уже рванула прочь, но он быстро ухватил её за ворот сзади.

— Плохой братик Эргоу! Обижаешь Сяохуа!

— Эй, уважай старших. Никто тебя не обижает. Лекарство для мамы ещё не забрала, а уже убегаешь.

— Лекарство... лекарство... Мамке ещё пить лекарства надо?

Чэн Сяохуа обернулась и послушно встала на месте. Гу Чэньюй поднял со стула несколько свёртков традиционных лекарств в промасленной бумаге и протянул ей.

— Конечно. У твоей мамы слабость селезёнки, избыток сырости и застой мокроты. Одних двух приёмов недостаточно. Но вместе с этими уже почти хватит. Сяохуа, Сяохуа, поменьше маму зли!

— ...

Девочка ничего не ответила и уставилась круглыми глазами в землю. Гу Чэньюй снова погладил её по голове, заметил под оградой маленькую ромашку, сорвал и воткнул ей в волосы.

— У тётушки Чжан ничего серьёзного. Мама Сяохуа будет жить долго-долго.

— Братик Эргоу обещает. Давай на мизинцах, а?

Гу Чэньюй протянул мизинец. Девочка серьёзно кивнула и сцепила свой палец с его.

— Крючок на пальце, сто лет не менять! Кто изменит — тот щенок!

— Угу. Кто изменит — тот щенок.

Чэн Сяохуа радостно ускакала. Гу Чэньюй развернул грубую ткань и обнаружил внутри целых три ароматных кукурузных пампушки!

□Эта девчушка с косичками и правда милая.□

— Да... — тихо ответил Гу Чэньюй и сжал правую руку. — Я очень им благодарен.

— Я обязательно защищу деревню.

— Обязательно!

Гу Чэньюй был полон решимости. Оставалось девять дней. Если каждый вечер целовать Фу Сьюаня по три раза, получится двадцать четыре патрона.

Целых двадцать четыре!

После трагедии прошлой жизни кошмары постоянно преследовали Гу Чэньюя. Стоило закрыть глаза, как перед ним возникали мёртвые земляки с незакрытыми глазами и слышались их страшные предсмертные крики. Даже спустя несколько лет, когда он собственноручно убил то злое существо, пронзив его сердце мечом, ненависть всё равно не исчезла.

В то время Гу Чэньюй был лишь на пятой ступени Основания Фундамента.

□Как говорится, только вышел из стартовой деревни — босса не встретишь. А ты вообще ещё из неё не вышел.□

Гу Чэньюй не понял половины слов старшего, но почему-то почувствовал себя утешенным. Верно! Здесь их двое с половиной. Преимущество на их стороне!

Он превратит эту неведомую тварь — будь то человек или демон — в решето.

—

— Сьюань! Как рана?

Гу Чэньюй принялся менять повязку. Малая Восстанавливающая Пиллюля и правда оказалась превосходной: от глубокой раны на боку осталась лишь тонкая полоса свежей ткани.

— Отлично, отлично... — Юноша закатал рукава и упёр руки в бока. — Сегодня пойдёшь со мной в горы. Там духовной ци больше. Найдём место и помедитируем.

— Тебе нужно как можно скорее восстановиться. Пятнадцатого дня третьего месяца я буду защищать деревню!

Старший сказал, что каждая сюжетная точка — событие, которое Гу Чэньюю суждено пережить. Но смотреть, как трагедия повторяется, он не мог. Картина уничтоженной деревни Саньси до сих пор стояла перед глазами.

Он обязан стать сильнее. Только сила позволит защитить близких.

Они углубились в горный хребет. Гу Чэньюй по дороге постоянно оставлял метки.

Хотя эти леса он знал хорошо, указатели всё равно делал снова и снова.

Ничего не поделаешь: Гу Чэньюю чудовищно не везло. Из-за самых нелепых случайностей он постоянно терял дорогу. Возможно, это и было «особой привилегией» дитя судьбы.

□Да нормально, нормально. У главных героев типа Лун Аотяня всегда так: встроенный бафф невезения. Сначала невезёт, невезёт, а потом приходит удача. Крайность рождает противоположность, после беды приходит счастье.□

Они шли примерно час. Гу Чэньюй почувствовал, что духовная ци здесь уже способна собираться в слабые потоки, махнул Фу Сыюаню и сам сел, скрестив ноги.

Затем с совершенно искренним лицом взял Фу Сыюаня за обе руки и крайне серьёзно сказал:

— А-Тан, пока будем культивировать, можно я подержу тебя за руки? Мне ночью кошмар приснился. Мне очень страшно.

□Ты вообще не выглядишь напуганным. По-моему, испугаться сейчас должен Фу Сыюань. Ты выглядишь как человек, у которого внезапно поехала крыша.□

Гу Чэньюй с невозмутимым лицом продолжил нести чепуху:

— Если я не смогу держать тебя за руку во время культивации, некоторые мои прекрасные качества... вроде солнечности, жизнерадостности, оптимизма и позитивного отношения к жизни...

Например, чит на десятипроцентное ускорение культивации.

— ...исчезнут.

— А-Тан, ты понимаешь, о чём я?

Реакция Фу Сыюаня оказалась намного спокойнее, чем ожидал Линлинци. Он даже слегка улыбнулся и мягко сжал тонкое запястье Гу Чэньюя в ответ.

Он слишком хорошо знал Гу Чэньюя и давно привык к его манере поступать. Каким бы тот ни был — благородным и открытым, любителем шуток и балагурства или человеком, у которого голова набита хитрыми идеями, — Фу Сыюань всё равно считал его милым.

Он давно был безнадёжно потерян.

Очень, очень, очень давно Фу Сыюань влюбился.

Сегодня прогресс культивации нельзя было назвать быстрым, но он точно не оказался ниже ожиданий Гу Чэньюя. Усиление и правда работало превосходно.

Во время медитации Гу Чэньюй сосредотачивался полностью и легко входил в глубокое состояние. Фу Сыюань не мешал. Когда оба закончили регулировать дыхание и почувствовали, что духовной ци здесь больше недостаточно для практики, уже стояла глубокая ночь.

Ночь была холодной и сырой. Порывы ветра забирались в рукава, холод лип к коже. С неба неизвестно откуда опустились несколько вороньих перьев, а сиплый каркающий крик лишь усиливал мрачное ощущение.

Кар-р-р —

Гу Чэньюй:

— ...

Полночь. Лес. Вороны. Как ни посмотри — верный знак, что сейчас случится что-нибудь ужасное.

И, разумеется, они заблудились.

В третий раз выйдя к одной и той же своей отметке, Гу Чэньюй опёрся о дерево и огляделся по сторонам.

Куда это меня вообще занесло?

Он успокоился, прислушался к колебаниям духовной ци и попытался определить направление.

Снова сел, скрестив ноги, направил ци, и холодный ветер постепенно стал звучать как далёкий морской прибой. Духовное восприятие раскинулось во все стороны, словно тончайшая паутина.

На юго-востоке — обрыв. На северо-западе — грохот воды, похоже, водопад. На севере шевелились колючие кусты — вероятно, кролик или другой зверёк. А строго на востоке...

Странно. Очень необычная ци.

Духовная энергия там напоминала клубок ядовитого тумана. Снаружи исходила пугающая свирепая аура, чрезвычайно холодная и злобная, но внутри скрывалась удивительно мягкая и чистая сила.

— А-Тан, на востоке будто есть...

Он не успел договорить. Земля внезапно провалилась, закручиваясь в воронку. Огромный зверь прорвал горную толщу и взмыл в небо. Поднятый им шквальный ветер заставил зажмуриться. Гигантское тело почти закрыло небо. Всё оно было покрыто чёрной чешуёй, на треугольной голове торчали два шипа, глаза горели алым, а из пасти вместе с дыханием вырывались зловонные миазмы.

Это был... небесный Семизвёздный Питон!

Когда земля исчезла из-под ног, Гу Чэньюй среагировал мгновенно и толкнул Фу Сыюаня в сторону. Но отдача самого его отбросила вниз. Зрачки Фу Сыюаня резко сузились. Он инстинктивно бросился хватать Гу Чэньюя, но поймал лишь край одежды.

— Чэньюй!

— Уходи!

Гу Чэньюй резко крикнул. Небесный духовный зверь по силе был сопоставим с культиватором стадии Преобразования Духа. Им двоим против такого не выстоять.

Но Семизвёздный Питон отпускать добычу не собирался. Он распахнул огромную окровавленную пасть, дохнул смрадом и в одно мгновение проглотил обоих.

<http://bllate.org/book/19829/1959930>